

август 2014 — июль 2015

Эта история была создана очень давно. С тех пор многое изменилось, но она по-прежнему посвящена Севе — за ее доброту, терпение и школьные годы, пройденные вместе.

Особая благодарность моим родителям, желающим видеть эту книгу опубликованной. И Даше — за веру даже в самые ранние и неловкие мои тексты.

Эта история написана подростком для подростков. Мне уже давно не пятнадцать, как когда я работала над ней, и потому она — драгоценное воспоминание. Это не работа мастера, но она искренна. И, надеюсь, ностальгична, ведь обращается ко времени, когда не все еще пользовались онлайн-картами.

ХЕЛЬ-I

Новость о переезде не стала для меня неожиданностью — я подозревала, что именно так все и обернется, с того момента, как брат матери переступил порог нашей квартиры и потоптался на измятом коврикe, тщательно вытирая подошвы лакированных туфель. Он произвел на родителей положительное впечатление — мама, не общавшаяся с ним лет пятнадцать, если не дольше, простила ему старые обиды и крепко обняла, а *отец* отказался от предубеждения, что родственникам жены доверять нельзя, и они пожали друг другу руки. На представительный вид дядюшки я не купилась. Серый костюм, галстук, запонки, прилизанные волосы и широкая обаятельная улыбка никак не доказывают, что человек имеет благие намерения. Скорее, наоборот. В его крысиной сущности сомнений не возникало, хотя маску он носил умело — дело опыта, а может, и врожденный талант.

Из багажа он располагал одним маленьким сереньким чемоданчиком под цвет костюма. Судя по всему, он был призван вызывать жалость — человек-то, видите ли, обездоленный, без имущества.

Как только мама вышла в коридор, он упал перед ней на колени, обвил ее ноги руками, напоминающими осьминожки шупальца, и принялся молить о прощении.

Сцена для театра, не для жизни, и сначала меня разоблачил смех — неужели в такое можно поверить? Что после долгих лет холодной войны он искренне раскаялся? Может, даже мучился все это время, и в конце концов не выдержал и пришел сюда? Глупость. Но он все-таки смог меня удивить. Поразил своим красноречием. Поставил слова так, что театральность исчезла.

Маски бывают разные. Как бы то ни было, сквозь них всегда проглядывает истинный лик владельца, ведь не существует масок, способных скрыть все. Дядюшка был превосходным лжецом, и единственной лазейкой для меня стали его глаза.

Хватило одного взгляда, чтобы понять, какая тварь скрывается за созданной им иллюзией. Его глаза были мертвыми — холодными, равнодушными, жесткими, с изредка проскальзывающей злостью или раздражением. Посмотри родители в них хоть раз, они тут же обо всем догадались бы.

Дядюшка притворялся с чувством, получая удовольствие от происходящего — играл роль идеального постояльца, помогал матери по хозяйству, вел светские беседы с отцом, гонял машинки с моим младшим братом, так что вскоре родители начали ставить его мне в пример. Я усмехалась и удалялась в комнату, игнорируя несущиеся в спину претензии, суть которых отражало одно слово — «неблагодарная».

Незванный гость, а точнее, новый жилец, не поладил только со мной. До него быстро дошло, что я вижу его насквозь. Как-то раз, когда я хотела высказать родителям все, что думаю, и убедить их выгнать его внаше, он приложил палец к губам, покачав головой. И я промолчала.

Спустя два месяца после его приезда скончался дядюшка, их с матерью отец. Согласно завещанию, квар-

тира, где мы жили с самого моего рождения, полностью отходила его сыну, то есть дядюшке. Счастью того не было предела, и тут-то он и продемонстрировал свою истинную суть: на следующий же день приказал нашей семье выметаться из *его* квартиры, указав пальцем на дверь. Отец был в шоке, мама в ужасе, младший брат ничего толком не понимал.

Разумеется, родители боролись, говорили, что он поступает не по совести, но для него это не имело значения. История закончилась тем, что в один прекрасный день мы обнаружили свои вещи на площадке возле лифтов. К счастью, мы смогли найти пристанище, где провели еще около месяца, прежде чем отец купил новые апартаменты в маленьком городке.

Особой радости от переезда я не испытывала — не хотела покидать столицу. В ней невозможно почувствовать себя одиноким, даже сидя в четырех стенах. Где бы ты ни находился, ты — часть системы, гигантского муравейника. Ты — одна из игл на спине ежа, один из палых листьев на земле поздней осенью. Чувствуешь, что рядом с тобой никого нет? Просто открой окна, и множество голосов докажет обратное. Столица кипит, ее жизнь непрерывна, она бессмертна, как птица феникс — порой сгорает, но снова восстает. Есть период упадка, период подъема, но, что бы ни происходило, она всегда раскинет над тобой крылья.

Однако родители и братец были рады. Мама постоянно твердила что-то про отдых от шума и чистый воздух, отец молча кивал и бурчал про долгожданный шанс отделаться от придирчивого начальства, а брат вслух мечтал о том, как будет прыгать в озеро, цепляясь за привязанную к дереву веревку.

Переезд показался дорогой, сотканной из лунного света, прокладывающей путь из одной Вселенной

в другую. Вспомнились чертежи с доски на уроке физики — твердая поверхность и расположенные на ней два физических тела, шарик размером с кулак и другой, побольше, где-то с три человеческие головы. Мы ехали шесть часов, и все это время я в деталях представляла, как большой шар выплевывает нас, а маленький открывает пасть и дрожит в предвкушении, когда же нас можно будет поглотить и присвоить себе.

С одной стороны, я давно хотела изменить что-то в своей жизни, с другой — мне было боязно расставаться со всем привычным — гулом исполинского города, родной комнатой с обклеенными рисунками стенами и ящиками, которые были забиты исписанными черной гелевой ручкой листами. Не хотелось расставаться даже с подначками одноклассников, ведь всегда знаешь, чего от них можно ожидать, а тут впереди лишь неизвестность, которая может оказаться еще более мерзкой, чем то, что осталось позади.

Новая квартира уступала старой по всем параметрам — была раза в два меньше, дизайн поднимал к горлу горьковатую волну отвращения, а неприлично тонкие стены пропускали каждый звук, так что уединиться без наушников не представлялось возможным. Моя комната разнилась со старой довольно ощутимо, но я бы соврала, заявив, что это плохо. В той спальне маленькое окно напоминало дыру в средневековой тюрьме. Эта, хоть и проигрывала по размерам, окна имела огромные и находилась с темной стороны здания, так что солнце не беспокоило ни утром, ни днем, ни вечером. Также имелся шкаф во всю стену — с зеркальными дверьми, так что собственное отражение можно увидеть отовсюду. Жутковато для того, кто боится монстров из Зазеркалья, но я подобным недугом никогда не страдала, даже в самом раннем детстве —

как говорится, я повелитель своих монстров, и они меня стерегут.

В первую ночь мне никак не удавалось заснуть: мешала тишина за окном и роящиеся мысли о том, какой будет новая жизнь. То, что она будет другой, было ясно и так — больше нет столицы, есть только маленький городишко с населением тридцать тысяч человек. Но какой именно будет новая жизнь? Приятнее прежней или тяжелее, такой, что взвоешь?

Нет, я не трусила. Беспокоилась, строила версии и предположения — это да. В основном насчет школы — с прошлой у меня не сложилось, с первого класса меня записали в изгой, и с каждым годом колкости становились все более изощренными. Из-за этого я ее и недолюбливала, хотя от учебы получала удовольствие. Оставалось надеяться, что здесь удастся держаться особняком, и меня никто не станет трогать.

Сообщили, что приходиться мне следует после новогодних каникул, а не через два дня, как планировалось изначально, в самый последний момент, и отец долго ворчал по этому поводу — до переезда он занимал весомую должность в компании и привык ко вниманию, восхищению, уважению, а здесь его никто не знал. Отца приняли на руководящую позицию в местной сети супермаркетов, однако это и рядом не стояло с его прежним занятием.

Несмотря на неожиданность, весть о переносе первого учебного дня не могла не радовать — шутка ли, час мучений откладывается чуть ли не на две недели! Видимо, кто-то свыше сжалился. Однако момент истины надолго не оттянешь. Зимние каникулы пролетели быстро и бессмысленно.

С утра в понедельник я не чувствовала ничего, кроме легкой досады. В воображении возникали картины

того, что меня ждет — представление одноклассникам, когда на тебя смотрят тридцать пар глаз, сначала с любопытством, а затем и с насмешливым презрением, поддеванием и оскорблением, в первую пору не такими уж обидными, но постепенно набирающими обороты. От мысли, что мне снова придется сидеть в душном классе с людьми, вызывающими отвращение, и слушать гул их голосов, начинало подташнивать.

Радости оттого, что через двадцать минут нужно выходить, не прибавляло также то, что форма в новой школе обязательна — как-никак, гимназия, куда отец строил меня связями и кошельком, и за что, разумеется, я должна была биться челом в благодарности. Ходить я привыкла в черной одежде; футболки, джинсы, блузки, кофты — все одного цвета. Здесь же родители выдали комплект, удовлетворяющий всем требованиям учебного заведения, куда входила повседневная темно-синяя форма, «выходная» для мероприятий и спортивная. Протесты на корню пресекла мама: «Если бы не папа, прожигала бы ты свои таланты в среднеобразовательной шараге, а тут — частная гимназия! Учись».

Блузка, застегнутая на все пуговицы, давила на горло, ткань приходилось оттягивать пальцем, чтобы глотнуть воздуха; брюки оказались длиннее, чем требовалось, пиджак — широковат в плечах.

— Ия, ты готова? — окликнула мать, и я, окончательно решив, что в пятницу отдам вещи в ателье, вышла из комнаты, прихватив портфель. Да уж, радушное приветствие точно окажут... хорошо, если тухлыми яйцами не закидают.

На кухне брательц-монстр, наполовину одетый, орал что-то, размахивая испачканной в каше ложкой. Мама, как всегда с самого утра облаченная в строгое платье, старое и потертое, а потому использовавшееся

только в качестве домашней одежды, с уложенными золотыми локонами и красной помадой на губах, кричала что-то ему в ответ. Отец молчал, величественно восседая на стуле со спинкой, как всегда погруженный в газету.

— Доброе утро, — буркнула я.

Мама кивнула, папа не отреагировал, брат замолчал, гордо вздернув веснушчатый нос и отвернувшись к тарелке. Я залила хлопья молоком — завтракали мы молча.

— Кто нас отвезет? — уточнила я.

— Ты поедешь с папой, — ответила мама.

— В таком случае, следует поторопиться, если не хотим опоздать.

* * *

Как и ожидалось, мы едва успели — отцу приспичило взять плеер, которым он не пользовался больше двух месяцев. Тот, поцарапанный и разряженный, обнаружился в коробке со старыми проводами. К счастью, имелась возможность зарядить его в машине. В противном случае отец отправил бы меня идти пешком, а сам караулил, когда же в верхнем правом углу гаджета появятся «100%».

Он притормозил у самых ворот:

— Выбирайся скорее, а то за нами десяток машин. Не трать чужое время.

— Сама любовь и забота, — прошипела я, вываливаясь из салона.

Машина резко стартанула, и меня окатило грязью из-под колес. Дыхание перехватило от неожиданности — брюки прилипли к ногам, от холода по спине пробежал табун мурашек. От возмущения я едва не задохнулась и еле отошла на тротуар.

Превосходное начало, не так ли? Теперь издевок или, по меньшей мере, косых взглядов и усмешек в кулак не избежать.

Ну да не привыкать. До выпуска два года осталось, не так уж много.

Я деловито оглядела испачканные брюки. Оттирать бесполезно, спасет только стирка. Но где найдешь стиральную машинку в школе? Придется делать вид, что все в порядке, это задумка дизайнера, и надеяться, что ткань высохнет в ближайшее время — отвратительно скукожившись, зато не клейко приставая к коже.

Голубая табличка, прикрепленная к высоким воротам с железными прутьями, гласила, что открываются они в половину восьмого утра по будням и в восемь по выходным. Сама гимназия выглядела обычно: белое трехэтажное здание, по периметру кусты со снежными шапками, скрывающими сухие ветви. Все до боли напоминало прежнюю школу, и надежды на перемены растворились в воздухе, как сигаретный дым. Раз внешнее сходство такое очевидное, значит, и с психологическим будет так же.

Первый этаж пришелся по душе — стены приятного светло-зеленого цвета, белый пол, огромная гардеробная напротив входа, возле которой столпились ученики, справа — доска с объявлениями, слева — пустующий пост охранника. Свет казался абсурдно-ужасным, как в низкобюджетном фильме ужасов — должно быть, из-за крошечной тьмы за окном, делающей его жестким и искусственным.

Нужно было зайти к секретарю — я понятия не имела даже, в какой класс зачислена, не говоря о расписании. Где находится нужный кабинет, я тоже не подозревала, и решила сначала сдать тяжелую верхнюю одежду, а по-

том спросить у какого-нибудь учителя, наверняка дежурившего по этажу.

Я практически дошла до гардероба, прежде чем поняла, что меня окружает гробовая тишина. А ведь буквально двадцать секунд назад в воздухе гудели десятки, если не сотни, тембров. Меня передернуло — слишком много народу. Тридцать пар глаз нового класса ничто по сравнению с этим. Чувство, что стоишь на сцене в концертном зале в свете софитов. Я не любила находиться в центре внимания, и меня едва не стошнило на месте — склизкие взгляды оценивали, любопытные.

Я уже начала думать, что хуже быть не может, но ошиблась — ситуация усугубилась, когда какая-то девушка прошептала:

— Это ты та самая новенькая в десятый?

Еще ни разу в жизни я не попадала в подобную ситуацию, а адаптироваться и импровизировать не умела, поэтому растерялась. В голову ничего не шло; чтобы не стоять, как рыба, выброшенная на берег, выпалила:

— Да, именно.

Какой-то парень закинул руку мне на плечо:

— Наконец-то, мы уж заждались! Хоть какое-то разнообразие! Я думал, до самого конца буду в одном классе с одними и теми же придурками. Ты же к нам, верно?

— Эм... я еще точно не...

Рядом возникла невысокая девушка с копной рыжих волос в конском хвосте и беспардонно схватила меня за запястье, просверлив парня злым взглядом:

— Заткнись, Гери! Она будет с лисами!

— С чего бы, Арлекин? — оскалился парень. — Эй, новенькая, ты же не думаешь пойти к хитромордым?

Я вообще не понимала, о чем толкуют эти странные люди, и чувствовала себя неуютно: во-первых, стоило мне зайти в школу, все повели себя так, будто восьмое

чудо света узрели. Во-вторых, почему эти двое говорят так, будто я должна сама выбрать, с кем учиться, при чем тут лисы и почему у них такие странные имена?

— Иди к волкам! — посоветовал кто-то. Я вопросительно вздернула бровь — куда?

— К лисам! — воспротивились с другой стороны коридора.

— К волкам!

— Лисы!

— Волки!

— Лисы!

— Волки!

Толпа словно разбилась на части: все кричали невпопад. Порыв самой гаркнуть так, чтобы все вокруг замолкли, нарастал. К счастью, кто-то сделал это за меня:

— Хватит надрываться, чайки недобитые!

Удивительно, но школьники тут же захлопнули рты. Я даже подумала, что сюда направляется учитель, но ошиблась — сквозь толпу пробивался парень в ученической форме.

— Она же не в курсе!

Народ стусевался, и парень вывалился на свободный участок пространства, тяжело дыша. Лицо его походило на лисью мордочку — черты такие же заостренные, но мягкие, а глаза миндалевидные, с хитрым блеском.

— Нарываешься, — прорычал Гери.

— Я? — театрально изумился парень. — Как ты вообще мог так подумать. За кого ты меня принимаешь?

Гери заскрипел зубами — будто дикий зверь готов в любую секунду рвануть вперед и перегрызть глотку.

— Раз ты такой тихий, дуй в туман.

Незнакомец усмехнулся:

— Сперва отпусти девушку. Запугал бедняжку до смерти.

Мы с Гери случайно переглянулись.

— Ты так в этом уверен? — вскинул бровь он. — Я вот что-то не замечаю.

— Я вижу то, что вижу, а значит, оно действительно есть. Эй, девонька, этот серый тебя напугал?

Гери развернувшееся действие окончательно доконало:

— Прикуси язык, лис, и, возможно, я не сломаю тебе челюсть.

«Лис» сделал несколько шагов вперед, улыбнувшись немного напряженно:

— На меня не действуют настоящие угрозы. А твои и вовсе пустые, — и скинул чужую руку с моего плеча.

Я кожей почувствовала вспыхнувшую ярость Гери и отошла в сторону, встав рядом с рыжей девушкой. Как оказалось, не зря.

Лицо Гери налилось краской, кулаки опасно сжались, он шагнул в сторону парня с фенечками и замахнулся. Тот сразу же отшатнулся:

— Воу-воу-воу, мрачный волк, полегче, давай без рукоприкладства! Не думаю, что твоя кровь на полу и стенах так эстетична, что...

Школьники застыли в ожидании драки. Они практически не дышали, подавшись вперед. Жадной зрелищ они напоминали римлян в Колизее. Казалось, вот-вот растянут губы в животных оскалах, обнажат клыки и призывно взвоят, требуя схватки.

Кулак Гери полетел вперед. Школьники возбужденно охнули, в воздухе зависло ликование. Однако его противник ловко уклонился и грациозно отскочил — оттанцевал — прочь. И хлопнул в ладоши:

— Промазал!

Атмосфера раскалилась до предела. Общий мандраж захватил и меня — стало интересно, чем же все закончится.

Гери высокий и очень сильный. Рядом с ним парень с фенечками кажется щуплым слабым воробьем подле сокола. А Гери распалился не на шутку — он двинулся на соперника. Тот хитро прищурился и принял неустойчивую позу, чтобы быстро метнуться в сторону в подходящий момент.

Совесть умоляла встать между ними и остановить беспредел. Однако драке свершиться было не суждено и без моего участия — рыжая девушка молнией юркнула на «поле боя»:

— А ну-ка хватит, мы не на ринге! Если так хочется набить друг другу физиономии, сделаете это после занятий где-нибудь подальше отсюда!

Школьники выдохнули, на сей раз разочарованно. Огненный дух жажды крови испарился, словно его не существовало. Истинные звериные сущности вновь скрылись за человеческими ипостасями, приличными, выражающими полную готовность прийти на помощь. Парень с фенечками, похоже, ничуть не жалел о повороте событий в мирное русло. Он даже не шевельнулся, так и стоял с легкой улыбкой, будто ничего не произошло, а вот его противник кипел не хуже извергающегося вулкана. Он молча развернулся и, гаркнув на какого-то очкарика, нырнул в толпу школьников. Однако его черная макушка возвышалась над всеми, и его нелегко было отследить.

Рыжая, подождав, пока он скроется за углом и поднимется по лестнице на второй этаж, подбодрила:

— Чего стоите? Спектакль отменяется!

Школьники, недовольно шепча что-то себе под нос, медленно разбрелись по этажу. Некоторые сбивались в